

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Книги
ДОНАТО
КАРРИЗИ

Потерянные девушки Рима
Охотник за тенью
Маэстро теней
Подсказчик
Теория зла
Игра Подсказчика
Девушка в лабиринте
Женщина с бумажными цветами
Девушка в тумане

Донатто
КАРРИЗИ

ЖЕНЩИНА
С БУМАЖНЫМИ
ЦВЕТАМИ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44
К 26

Donato Carrisi
LA DONNA DEI FIORI DI CARTA
Copyright © Longanesi & C., 2012 – Milano
All rights reserved

Перевод с итальянского Ольги Егоровой

Оформление обложки
Ильи Кучмы, Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-17903-5

© О. И. Егорова, перевод, 2018
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

Посвящается Даниэле Бернабо

*История, которую вы прочтете
на этих страницах, правда.
Все остальное — вымысел.*

1

В ту ночь, когда трансатлантический лайнер «Титаник», не завершив своего первого рейса, пошел ко дну, один из пассажиров спустился к себе в каюту первого класса, надел смокинг и вышел на палубу.

Вместо того чтобы попытаться спастись, он закурил сигару и стал дожидаться смерти.

Когда у выживших пассажиров спросили, кто был этот таинственный человек, все сошлись во мнении, что его звали Отто Фойерштайн, он был торговцем тканями, путешествовал один и это была деловая поездка.

Однако никому из них тогда не сообщили ту любопытную деталь, что на самом деле Отто Фойерштайн умер в Дрездене, в собственном доме, в своей постели. За два дня до крушения «Титаника».

Гигантский ледяной собор.

Якоб Руман разглядывал гору, укрывшись за стенкой траншеи. На этом вечном леднике хоронили мертвых. Скалы были слишком твердыми, чтобы долбить в них могилы. Но в этом была и положительная сторона: тела, погребенные во льду, могли сохраняться хоть миллионы лет.

Он останется молодым навсегда, промелькнуло у Якоба в голове, когда он ласковым движением закрывал глаза солдату, которому не удалось уйти от пули. Сколько ему? Восемнадцать, девятнадцать? Якоб Руман повернулся к тазику с водой и окунул испачканные кровью руки. Вот уже пару часов, как стрельба прекратилась. Сколько продлится затишье?

— Проклятый ледник, — проворчал он.

Он надеялся, что на холоде кровотечение у раненого остановится или хотя бы замед-

лится. Напрасно надеялся. Без лекарств, со старым, неполным комплектом хирургических инструментов он не смог спасти мальчика, и тот истек кровью. Да даже если бы и смог, что толку? Тех, кто выздоравливал, опять отправляли на передовую. Он ставил раненых на ноги, чтобы те снова шли кого-то убивать или сами попадали под пули. Хорошенькое дело! В конечном итоге выходило, что и он тоже работал на жалованье у матушки-смерти.

«Я словно клоун, которого Господь поставил в самой середине апокалипсиса», — говорил он себе.

Все, что творилось вокруг, не имело ни малейшей логики. На дворе стояла весна, а здесь она казалась зимой. Ее называли Мировой войной, но, по сути, дерьмо оно и есть дерьмо. Подающее надежды поколение австрийцев, лучшие сыны отечества дошли до этих гор, чтобы их разнесло в клочья во имя будущего, которого они, может, никогда и не узнают. Якоб Руман видел, какими прибывали сюда эти мальчики: в глазах светлые идеалы, в крови гормоны. А через неделю, проведенную в окопах, они уже выглядели испуганными и озлобленными стариками. Итальянцы по ту сторону фронта тоже были хороши: их, скверно экипированных, без военной подготовки,

вели вперед идеи воссоединения Италии. Сыновей толкала потребность соперничать с отцами, им хотелось выкроить себе роль в Истории. И им даже в голову не приходило, что после этой войны придет другая и История о них позабудет.

А он? Он-то что здесь делает? Этот вопрос он задавал себе все чаще и чаще.

Четырнадцатого апреля ему исполнилось тридцать два года, и он отдавал себе отчет, что самым вопиющим парадоксом является он сам. «Я просто какой-то оксюморон¹ ходячий», — часто повторял он себе.

Якоб Руман, военный врач.

Он все ждал, что среди этого всеобщего бреда среди измученных усталостью и страданиями людей найдется хоть кто-нибудь, пусть даже один, кто вылезет из окопа и крикнет, что все это просто-напросто глупость. Может, тогда чары разрушатся, все осознают собственное безумие и вернуться в свои города, к своим семьям.

Якобу Руману возвращаться было не к кому. Жена ушла от него к другому, сообщив об этом в коротком, в несколько строк, письме. Оно было написано восемь меся-

¹ *Оксюморон* — стилистическая фигура, состоящая в соединении двух противоречащих друг другу понятий, логически исключающих одно другое. — *Здесь и далее примеч. перев.*

цев назад, а получено на прошлой неделе. Он целых восемь месяцев верил, что его любят, и все это время страстно желал оказаться в постели в своей венской квартире. Чтобы увидеть в прихожей домашние тапочки, чтобы маятник часов дирижировал симфонией тишины, когда он уляжется с книгой. И если удастся пережить эту войну, то наградой будет не то, что он жив, а то, что сможет вернуться домой.

Среди горных вершин прогремел выстрел из гаубицы, установленной на доломитовом склоне, где засели итальянцы. Якоб Руман вздрогнул, очнувшись: передышка закончилась. Пройдет несколько секунд — их часть ответит на выстрел, и военная машина снова медленно придет в движение. Это была пристрелка перед грядущей бессонной ночью. Он где-то читал, что из-за постоянного напряжения солдаты не могут спать. И для них единственный способ уйти от реальности — это умереть.

Якоб Руман посмотрел на мальчика, который только что дышал под его руками. Он не желал знать имен своих раненых, они его не интересовали. Он их забывал, как забывал их лица и причины, по которым они уходили.

Он хранил о них другие сведения.

Порывшись в кармане, он вытащил черную записную книжку-календарь за 1916 год со страницами, запачканными кровью и ружейной смазкой. Пролистав ее до даты 14 апреля, он карандашом занес очередную запись в список, который заполнял почти всю страницу.

20.07. Простой солдат: «Кажется».

Едва он кончил писать, как за дверью раздался характерный стук ботинок сержанта. Тот наверняка явился, чтобы передать, что его вызывает майор.

— Доктор, пожалуйста, следуйте за мной, — начал он, даже не поздоровавшись. — Вы очень нужны.

— В самом деле? И кому же на этот раз я должен спасти жизнь? — спросил Якоб Руман, не без иронии покосившись на труп юноши.

Сержант ответил без малейшего сарказма:

— Неприятелю.

З

Майор принял его, повернувшись спиной: он брился. Ординарец держал перед ним осколок зеркала. Бедняга дрожал от холода, но старался не дергать руками, чтобы не рассердить старшего офицера.

Майор, стоя в одной рубашке и не обращая внимания на холод, подравнивал краешек острой бородки. Он велел разместить свои вещи в углу траншеи, где до недавнего времени обитал подполковник, которого неприятель взял в плен, устроив засаду. Там стояла раскладушка, печурка, а сверху был защитный настил из бревен.

Сержант и Якоб Руман остановились на пороге маленького узурпированного владения. Никто не осмеливался помешать туалету офицера, на данный момент бывшего самым старшим по званию.

Боясь окоченеть от излишнего служебного рвения, доктор решил больше не тянуть:
— Вызывали, господин майор?

Не оборачиваясь и не отводя бритвы от лица, старший по званию наконец заговорил:

— Доктор, вам известно, в чем состоит главное достоинство военного?

Якоб Руман с трудом удержался, чтобы в раздражении и гневе не поднять глаза к небу. Ну почему всякий раз, когда майор отдавал какой-нибудь приказ — пусть даже вынести парашу, — он предварял его коротким нравоучением? Он что, не мог сразу изложить суть дела? Или на войне ему время некуда девать?

— Нет, господин майор, я не знаю, в чем состоит главное достоинство военного.

Он прекрасно знал, что тот скажет: «Дисциплина».

И майор с удовлетворением изрек:

— Главное достоинство — это дисциплина.

«Ну да, вот именно», — сказал себе Якоб Руман.

— И от самих себя мы требуем прежде всего дисциплины. Иначе как сможет настоящий командир требовать ее от своих подчиненных? Именно поэтому я всегда появляюсь перед рядовым составом в наилучшем виде. Уход за собой — дело важное. Мои сапоги всегда должны сверкать, на

форме не должно быть ни пятнышка. И знаете почему?

Времени на ответ он собеседнику не дал:

— Потому что, если бы я, ссылаясь на обстоятельства, себя запустил, это сломало бы волю моих солдат.

— Вы являете собой прекрасный пример. Благодарю вас, господин майор.

Якоб Руман слишком поздно заметил, что в его голосе проскочила едва заметная нотка сарказма.

Майор в зеркале метнул на него недобрый взгляд. Тон его сразу стал строгим:

— Неприятель два дня назад преподавал нам жестокий урок.

Якоб Руман давно пришел к выводу, что эта война какая-то странная. На высокогорном фронте бои шли только весной и летом. Всю зиму они провели в траншеях, в изнурительном ожидании, удерживая отвоеванные позиции. Австрийцы контролировали вершины Доломитовых Альп, а итальянцы пытались ими завладеть и потому воевали со стратегическим преимуществом. Но неприятель не стал дожидаться смены времени года, чтобы возобновить военные действия; 12 апреля, в снежный буран, итальянцы неожиданно ринулись в смертоубийственную атаку, прорвав оборону австрийцев. Атака была невероятно

точно рассчитана, и солдаты тысячами хлынули на австрийские рубежи, намереваясь их смять.

— Мы потеряли солидную часть наших укреплений, — отчеканил майор, словно так было надо. — У нас остались только эти позиции. Последний оплот Австрии здесь, на Монте-Фумо, на Дым-горе.

Сия высокопарная речь была прелюдией к сути вопроса. И Якоб Руман очень быстро понял, зачем его позвали и что был за неприятель, которого, по словам сержанта, надо было спасти.

Он даже представить себе не мог, как с этой минуты изменится его собственная жизнь.

4

Когда судьба решает изменить ход нашей жизни, она нас об этом не предупреждает. Так будет думать в последующие годы Якоб Руман.

Рок не заботится о том, чтобы оставить указания.

И не бывает никаких примет или для тех, кто нуждается в мистических определениях, — знаков. Что-то происходит — и баста. А когда происходит, то проявляется как внезапная пауза, как цезура в стихе. И потом всю жизнь ты вынужден различать: вот это было до, а это — после.

Потом, снова возвращаясь мыслями к этому переломному моменту, когда через несколько минут должно было случиться событие, которое изменит все, Якоб Руман будет испытывать доброе чувство, сродни

тому, что возникает при встрече с детским простодушием. И еще ностальгию, потому что, в отличие от скверных событий, события прекрасные происходят только однажды и потом остается горечь.

Майор отложил бритву и отер лицо полотняной салфеткой. И пока ординарец помогал ему надеть китель, пояснил:

— Нынче ночью мы перехватили патруль альпийских стрелков, который вел разведку на южном склоне. Была короткая перестрелка, но в конце концов мы их взяли. Их пятеро.

— Мои комплименты, господин полковник, — поддержал разговор доктор, пытаясь понять, какая роль уготована в этой истории ему. — Есть раненые? Вы хотите, чтобы я к ним заглянул, прежде чем их отправят в лагерь для военнопленных?

— Это исключено. Мы должны продемонстрировать итальянцам и своим солдатам нашу силу. А потому на рассвете пленных расстреляют как шпионов.

Якоб Руман понял, и его затошнило от отвращения. Но он постарался сдержаться и рискнул:

— Вы хотите, чтобы я освидетельствовал их и дал заключение, что они своими ногами дойдут до расстрельной команды?

— Перестаньте, они абсолютно здоровы, — раздраженно бросил майор.

«Тогда какого черта тебе нужно от меня?» — подумал Якоб Руман.

— У нас есть подозрение, что один из них — офицер: похоже, остальные подчиняются его приказам. Но уверенности у нас нет, потому что на его форме отсутствуют знаки отличия.

— Не понял. Вы хотите выпытать у него информацию?

— Он тип неприятный. Вряд ли он заговорит.

Якоб Руман, напротив, был уверен, что майор его допрашивал достаточно долго, только ничего не добился.

— Так каков будет план?

— Мы попытаемся обменять его на нашего пленного офицера.

— Полагаю, вы говорите о господине подполковнике.

Доктор раскусил великолепный замысел майора: если удастся освободить подполковника, он заслужит похвалу, а может, и повышение по службе.

— Вы предлагали это итальянскому офицеру?

— Конечно! Но этот идиот продолжает настаивать, что он простой солдат. Жаждет

роли героя и хочет, чтобы его расстреляли вместе с его отрядом.

Он выдержал эффектную паузу и уставился своими злыми глазками прямо в глаза Якобу Руману.

— А потому вы обязаны убедить его сознаться, что он офицер.

Теперь доктору все стало ясно: ему предлагали договор, по которому некоторая выгода ожидает и его.

Майор вплотную приблизил к его лицу свой огромный нос, так, чтобы ни сержант, ни ординарец не слышали конец разговора.

— Для мужчины, у которого увели жену и уважение к которому пошатнулось, было бы весьма почетно вернуться в Вену с медалью... Это заставило бы умолкнуть злые языки.

Медоточивый тон и нестерпимо жаркое, несвежее дыхание майора делали его слова еще более оскорбительными. Якоб Руман не подал виду, словно его честь никак не была задета.

Он спокойно спросил:

— Почему именно у меня это должно получиться?

— Я узнал, что вы владеете его языком. Это так?

Но Якоб Руман не дал сбить себя с толку и снова спросил:

— Почему именно я?

Майор ответил с презрительной гримасой, на этот раз громко, чтобы все слышали:

— Потому что на солдата вы не похожи.

Б

Он потребовал, чтобы ему принесли банку кофе, который входил в доппаек майора. Тот не должен был рассердиться, учитывая, что кофе может понадобиться для сближения с пленным. Сверх этого он разжился двумя металлическими кружками и велел набить свежим снегом кувшин. К угощению прибавился кусочек сала, черный хлеб, несколько твердых как камень анисовых печенинок, папиросные гильзы¹ и табакерка.

Собирая вместе все полученные сокровища, доктор раздумывал над тем, что скажет итальянцу. Он уже понял, как начнет, но дальше этого дело не шло, никаких мыс-

¹ Папиросные или сигаретные гильзы используют те, кто покупает натуральный табак или выращивает его сам. Гильза представляет собой папиросу или сигарету с пустым резервуаром для табака. Табак набивают в гильзу специальным приспособлением, похожим на маленький шомпол.

лей не появлялось. Но хотя он сразу решил не ублажать майора, который считал его глупым и бездарным, ему постепенно удалось убедить себя в том, что справиться с задачей — его собственное желание. И во все не из-за медали, потому что он был уверен, что медаль никак не поправит его репутацию отвергнутого мужа и человека теперь неполноценного. Была еще причина, которая более других заставляла его согласиться.

Ему хотелось спасти хоть одну жизнь в этом круговороте смертей.

«Я могу выходить солдата, иногда вылечить окончательно, — говорил себе Якоб Руман. — Но этим я просто отсрочиваю его судьбу и, быть может, сокращаю жизнь кому-нибудь другому». Ему никогда не представлялась реальная возможность предотвратить чью-то смерть, а всегда доставалась роль простого исполнителя приказов, все действия которого заранее распланированы, и он ничего не может с этим поделать. Так рабочий на монтажном конвейере не может повлиять на конечный результат своей работы.

А теперь он мог что-то изменить. По крайней мере одну вещь.

Якоб Руман отправился к пещере, где держали итальянца, с весьма слабой надеж-

дой на успех. В руках он нес все, что ему удалось раздобыть. Металлические кружки при каждом шаге звякали друг о друга и о кувшин. Доктором овладела странная эйфория.

Он узнает, кто такой этот итальянец.

Карризи Д.

К 26 Женщина с бумажными цветами : роман / Донато Карризи ; пер. с ит. О. Егоровой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 224 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-17903-5

Роман Донато Карризи, кумира европейских любителей детектива, «Женщина с бумажными цветами» стал неожиданным открытием.

Гора Фумо в итальянских Альпах, превратившаяся в ледяной собор, стала театром решающего сражения холодной весны 1916 года. Но эхо боевых действий не проникает в пещеру, где друг против друга сидят эти двое. Они курят и молчат. Один — пленный, который будет расстрелян на рассвете, если не назовет свое имя и звание. Другой — военный врач, у которого есть лишь эта ночь, чтобы убедить узника заговорить. Врач еще не знает, что рассказ пленного навсегда изменит его собственную судьбу. Потому что жизни этих людей, которые должны быть врагами, на самом деле связаны между собой...

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

Литературно-художественное издание

ДОНАТО КАРРИЗИ
ЖЕНЩИНА
С БУМАЖНЫМИ ЦВЕТАМИ

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Анна Быстрова, Юлия Теплова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 13.02.2020. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 9,87.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-MBD-26472-01-R